

Laurence Benaïm

Лоранс Бенаим

**Yves
Saint Laurent**

**ИВ
СЕН-ЛОРАН**

*Saint Yves
Laurent*

ББК 82-94
УДК 85.14
Б46

Laurence Benaïm. Yves Saint Laurent
© Editions Grasset et Fasquelle, 2002, 2018
Published by arrangement with Lester Literary Agency

Благодарим агентство ИТАР-ТАСС за предоставленные фотографии

Дизайн серии – Александр Архутик
Компьютерная верстка – Александр Зарубин

На переплете – Ив Сен-Лоран, 1992.
amw / Interfoto / ТАСС

Бенаим, Лоранс

Б46 **Ив Сен-Лоран** / Пер. с фр. А.М. Левшина. – М.: Этерна, 2021. – 752 с.: ил. – (Mémoires de la mode от Александра Васильева).

ISBN 978-5-480-00414-4

Ив Сен-Лоран, расцвет карьеры которого пришелся на вторую половину XX века, принадлежит к плеяде самых влиятельных дизайнеров мира. Несмотря на то что слава Сен-Лорана была интернациональной, центром его творчества неизменно оставались Париж и Марракеш. Его творчество – одна из самых ярких вех Высокой моды, а логотип YSL существует до сих пор.

ББК 82-94
УДК 85.14

ISBN 978-5-480-00414-4 (Россия)
ISBN 978-2-246-81705-5 (Франция)

© Editions Grasset et Fasquelle, 2002, 2018
© А.М. Левшин, перевод, 2021
© ООО «Этерна», издание на русском языке, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
Оран, горько-сладкий город	14
Парижское воспитание	46
Молодой король в Доме моды <i>Dior</i>	96
Избранник, принцессы и война в Алжире	130
Пропавший человек	154
Ребенок со стальными нервами	177
Один из «битлов» с улицы Спонтини	206
Стиль <i>Rive Gauche</i> .	
От «Дневной красавицы» до андрогинов	228
Ив, Лулу и змеи	261
Ретропровокация	293
Страсть по 1930-м годам	321
Авеню Марсо, рай для куртизанок	348
Черный – это тоже цвет	368
Годы коллекции «Опиум»	380
Творчество в красном цвете	423
Одиночество среди почестей	474
Империя Сен-Лорана	516
Улица Вавилон, 90–93	558
То, что умолкает, то, что уходит	583
Часовой абсолюта, 1993–1998	603
Конец мечты, 1999–2002	649
<i>Пресс-конференция Ива Сен-Лорана</i>	
7 января 2002 года	685
«Мой диалог с женщинами не окончен».	688
<i>Хронология</i>	691
<i>Библиография</i>	726
<i>Благодарности</i>	749

Посвящается Рейчел и Герману Фрейдер

«Мое оружие – это взгляд, которым я окидываю свою эпоху».
Ив Сен-Лоран

«А не опасно притворяться мертвым?»
Мольер «Мнимый больной»,
действие III, явление XVI

*«Мы с тобой Львы по гороскопу, – говорил он, –
а у львов в пустыне иногда случаются депрессии.
Тогда думают, что они уже ни на что не годны,
но они просыпаются, и тогда...»*
Он зарычал, как лев, оживший в знаке Метро-Голдвин-Мейер».
Жан-Жак Шуль «Ингрид Кавен»

ПРЕДИСЛОВИЕ

В доме номер 5 по авеню Марсо раньше царила разнообразная тишина: это была тишина линий, белая тишина тканей, круглая и мягкая тишина швейного ателье, тишина рук, работавших в безмолвии; холодная тишина ожидания, когда хозяина этого модного Дома здесь не было; счастливая тишина улыбки, проскользнувшей в зеркале. Еще здесь появлялась как гостя красота. Она была историей любви между модельером и его манекенщицами, между ним и его авторской мастерской. Во всем была растворена тишина боязни и сомнения – особенности его характера и таланта. Я встретила с Ивом Сен-Лораном в 1986 году в рабочей обстановке, и лишь через год мы были представлены друг другу. Изданная в 1993 году, эта биография кутюрье была переиздана в 2002-м, что было приурочено к закрытию модного Дома Ива Сен-Лорана, а затем в 2010 году.

Однажды он бросил мне вскользь: «Ну, вы знаете мою жизнь даже лучше, чем я...» Это не так, разумеется. Ведь описать биографию этого человека при жизни – значит отказаться от некоторых ловушек, спрятанных в ней. Я не старалась обойти теневые зоны его жизни, а скорее пыталась выявить свет, исходящий от его личности, именно этот свет сделал его особенным. Некоторые люди писали о нем и касались других сфер жизни. Даже если принять во внимание привычку Сен-Лорана идентифицировать себя с разными персонажами, прежде всего с прустовским Сваном, кутюрье теперь существует отдельно, вне своего тела, которое он бросил когда-то на произвол судьбы, позволив ему стареть, толстеть и разрушаться. Он не щадил себя, принимал наркотики, периодически проводил дезинтоксикации и подвергал себя личному суду. Даже в 2018 году, через десять лет после его смерти, вокруг него по-прежнему зона отчуждения, как и при жизни.

Ив Сен-Лоран познал секрет женской души задолго до того, как узнал женщин. Несомненно, он был первым, кто выразил их мечты во всех гранях, от доминирования до подчинения, поверх старых штампов и с нотками эротизма.

Ив Сен-Лоран – это сплетение искренности и нарочитости, потому как внутри у него билось сердце, красное от страсти. Красный цвет Сен-Лорана – это не красный коврик для всегда одинаковых, зализанных завсегдатаев дефиле; это бархатный занавес ночного театра; это поцелуи макового цвета; это следы помады на щеках и на бокалах шампанского.

Его праздники проходили без селфи, где каждый был в новом образе самого себя. Герой или героиня, ангел или демон, кем бы ни был гость, он уникален, он может быть из прошлого или настоящего, мужчиной или женщиной. Ив Сен-Лоран – YSL – это царство свободы; это крики, химеры, ласки мрака; это манжеты официантов и вечера в синематекке; это головокружение отверженных и проклятых. Ив Сен-Лоран остается и по сей день тайной, его биография скрывается за закрытыми дверями.

Он любил рыжеволосых женщин, а своих целомудренных богинь с мальчишеским бюстом рисовал еще подростком в Оране, мечтая о женщинах с «кричащим макияжем», чье появление спровоцировал в 1958–1960 годах, когда работал в Доме моды Кристиана Диора. Это были его хищницы, его змеи с глазами цвета беды.

Сам же Сен-Лоран навек принадлежит безымянному народу изгнанников. Он одновременно астероид и ядро старой кометы; планета-монстр, изменившая отношение людей к «солнечной системе» моды. Из солнца, которое было так дорого Шанель, и звезды-талисмана Диора Ив Сен-Лоран сделал огненный шар, метеор, который освещает галактику даже после его смерти. Для меня в этом его главная сила: быть не только незаконнорожденным сыном Шанель и Диора, сыном времени и мгновения, стиля и моды, но еще стать изобретателем нового международного языка моды, нового взгляда на нее. Одевая, он раскрывал личность матерей, сестер, возлюбленных.

Что касается славы, то молодой выходец из Орана с бледным лицом сумел удержать ее в руках в течение полувека, не сбавляя

темпа, под наставничеством Пьера Берже¹. «Священное чудовище» стало чуть менее священным, когда признания и искренние рассказы людей о нем разметали все, что он так старался сберечь до конца, – свою честь кутюрье. Сен-Лоран защищался тремя способами: своими произведениями; любовью, которую он дарил; и дерзостью своей независимости от любых условностей. Чем больше фотокамер нацелено на жилище покойника, тем больше он, призрачный, дразнит своих хищников, путает следы, провоцируя добропорядочность преследователей. Его душа воплощена в каждой модели, питаясь плотью времени, а платья всегда держат спину прямо и никогда не сдаются. В день нашей встречи его пес Мужик слопал пленку моего магнитофона.

Писать – это не только вспоминать о чем-то, но еще и идти на общение, наблюдать, видеть новое, быть свидетелем того, что вечно; видеть тайну, которая не открывается ни экскурсоводам, ни музыкам, ни байопикам, ни визуальному репортажу. Чтобы спастись от проблем, он уходил от самого себя, играя своими тремя именами как тремя отражениями – Ив, Сен и Лоран. Три имени как inferнальное трио и урок изящества для других. Он выдумывал персонажи, рисуя их черным цветом и аквамаринном, знаками торжества и опьянения. Рисуя эти характеры, он в то же время развенчивал идеал, в который верил Теофиль Готье, тот говорил: «Цвета счастья – белый и розовый, и ничего тут не поделаешь: представить его иначе невозможно.

Вообще ему по праву принадлежат нежные тона. На палитре у него и бирюзовая, и небесно-голубая, и соломенно-желтая краски...»². Этим бледным пастельным тонам Ив Сен-Лоран предпochел опасность, червоточину, колдовство своих воображаемых скитаний.

Империя, которую он создал вместе с Пьером Берже, строилась в состоянии головокружения. Будучи прирожденным кутюрье, он освободил моду от условностей, от церемоний и ухищрений.

¹ Б е р ж е, Пьер (1930–2017) – французский промышленник и меценат, один из создателей Дома моды *Yves Saint Laurent*, был директором Дома до 2002 г. – *Здесь и далее прим. ред.*

² Теофиль Готье. *Мадемуазель де Мопен*. Пер. Е.В. Баевской.

Человеческая фигура была для него прежде всего вызовом, самовыражением, игрой смелого аксессуара, цвета, материй, театральным действием, только если оно не будет напыщенным. Ни кринолинов, ни геометрии. Он понял это первым. В архиве Кристиана Диора можно встретить наброски его ассистентов с пометками Ива Сен-Лорана, ему тогда было 22 года: «Это не широкая юбка, а платье без шва!» Можно представить себе, как он ругался в тишине, разъяренный и озабоченный, ставя галочку и зачеркивая модель «Метаморфоза», добавляя на полях с отворачиванием: «Ох!» Когда он рисовал модель «Армида», то прокомментировал: «Не так много морщин, иначе это будет похоже на пакет!» Уже тогда YSL был непримиримым в борьбе с неточностью, таким он был и по отношению к самому себе. Париж нынешний – всего лишь тень того города, который был его столицей и центром его парфюма.

Ив Сен-Лоран – это Кахина, которая поет «Я выживу»¹. Быть всегда начеку и не сдаваться, чтобы защитить ремесло, – это прямая линия в борьбе с мелочностью, узостью взгляда и скукой. Он нарушал моральные запреты буржуазии, шокировал ее как мог. Через десять лет после своей смерти Сен-Лоран поражает еще больше. Его образ кажется танцующим и привлекательным, таким же, как и его наброски. Лев рычит из-за решетки, беспокойный и непредсказуемый. Его модели кажутся моложе и тех мужчин и женщин, которые их разглядывают, и тех, которые о них вспоминают. Пиджаки с плечами в форме пагоды. Юбка-колокол «Порыв ветра» из белой ткани пике. Галстуки, пояса-корсеты, букеты искусственных цветов, мех серебристой лисы, птичьи перья, звезды-стразы и огненные губы манекенщиц. В 1962 году на дефиле-инаугурации; в 1966-м при запуске коллекции *Rive Gauche* («Левый берег»); в 1971 году при запуске известной линии *Libération* («Освобождение») – Ив Сен-Лоран переплавил в эти коллекции «свой жизненный опыт, взятый под ракурсом эстетики»². И сейчас он всегда там, где что-то трещит по швам, сбивает с толку, где неожиданное решение ставит все с ног на голову. Такой же хищник, как и Энди Уорхол, он не

¹ Кахина – алжирская певица кабийского (берберского) происхождения. «Я выживу» – песня-хит 1978 г. в исполнении певицы Глории Гейнор, стала негласным гимном ЛГБТ-сообществ. – Прим. пер.

² Susan Sondag. *L'Œuvre park, Paris, 2010.*

перестает и сейчас навязывать моде всего мира свои особые предпочтения, свой калейдоскоп цитат, убеждений и пристрастий. Но остаются еще фантомы его присутствия то здесь, то там; суеверия, воспоминания о нем; нахальная «Гадкая Лулу»¹; слезы на глазах у тех, с кем он работал. В Париже некоторые считали его колдуном и медиумом. В доме номер 5 на авеню Марсо, в большом конференц-зале, его фотопортрет работы Ирвинга Пенна смотрит на вас из-под ладони волчьим глазом. В Марракеше таксисты вспоминают о нем как о «господине Мажореле»². Миражи. Ив Сен-Лоран умер до того, как большой свет озарил его. Этот свет освещает его теперь и не дает ему уйти, испариться. Осталась красота фигур из кисеи, цитаты из фильма «Орфей», осталось воспоминание об улице, которая его вдохновила и которую он одевал. Правда, она уже не помнит о нем или помнит, но мало. Что бы она значила без него?! Без придуманных им бушлатов для андрогинов и плащей, которые он перенес из мужского гардероба в женский, сделав их незаменимой его частью?! Брюки (женщинам было запрещено носить их на работу до 1968 года) стали классикой. Память о Сен-Лоране – это постоянная череда парадоксов. Все дело в его тяге к экстриму. Его бархатные модели «Леди Макбет», его жакеты *sapharienne*³ марки *Rive Gauche*, его смокинги. Теперь они в музеях, он и сам там, где его имя означает свободу существовать, двигаться, придумывать свою жизнь. Жизнь создается подобно рисунку, когда хочешь зарисовать сон перед зеркалом. Рисуешь, освободившись от тисков и условностей, от ненужных складок, от всего, что мешает свободной походке.

¹ «Гадкая Лулу» – комикс, нарисованный Ивом Сен-Лораном и ставший мультфильмом. Лулу – это выражение садистских наклонностей самого автора, чего он не отрицал. Комикс изобилует сценами убийства, отравления, похищения и изнасилования детей. – Прим. пер.

² М а ж о р е л ь, Луи-Жан-Сильвестр (1859–1926) – парижский художник-ориенталист, основатель ботанического сада в Марракеше, Марокко. В 1980 г. сад был куплен Сен-Лораном и Пьером Берже, с тех пор принадлежит Фонду Пьер Берже – Ив Сен-Лоран. Это часто посещаемая туристическая достопримечательность. – Прим. пер.

³ Женский жакет на шнуровке в стиле сафари. – Прим. пер.

ОРАН, ГОРЬКО-СЛАДКИЙ ГОРОД

У женщин Орана была одна забота – выглядеть еще кокетливее, чем остальные женщины Алжира, и такими же оставаться. Теплыми ночами в казино или за чаем с кебабом на соседской вилле они искрились весельем и общительностью. Морские офицеры предпочитали Оран Алжиру: девушки здесь красивее. Алжир – город правительства и административных учреждений, расходился по малым кружкам и партиям бриджа и засыпал в девять часов. Оран же, наоборот, жил по испанскому времени, там считали жителей Алжира холодными, негостеприимными, точно они лионцы. Жители Алжира смеялись над оранцами и их произношением: «А-а, вы из Орана?» Они находили их вульгарными.

Город был построен амфитеатром у подножия горы Мурджарджа, в болотистой низине, опираясь на два склона, один из которых дал ему свое имя – Уархан. Город развивался бешеными темпами, торопясь построиться и разбогатеть. В Оране мужчины занимались делами, а женщины – красивыми детьми. Мужья зарабатывали много денег, а жены их тратили. Космополитический солнечный город, Оран был разбит на касты. Ничто не проходило незаметным, проще было срочно уехать, если у вас проблемы. На вершине общественной пирамиды находились колонисты, поднявшиеся на сельском хозяйстве, и важные лица города, отличавшиеся тем, что могли дать объявление в газету: «Требуется французская служанка, которая будет жить в доме...» Далее следовали «малые французы» – служащие, учителя начальных классов и профессора. Евреи и испанцы дополняли «европейскую мозаику». Арабов было больше всего, но их почти не было видно, разве только по утрам, когда они, разгрузив суда в порту, шли из нижних кварталов группами по пять или шесть человек пешком через весь город в Негритянскую деревню. Их крепкие тела, дубленые от работы, блестели на солнце. Здесь, на плато Святого Михаила, жила семья Матьё-Сен-Лоран.

Род Сен-Лоран происходил от Пьера-Матьё из Метца (родился в 1640 году), это род магистров права из Эльзаса. В 1870 году один из предков кутюрье покинул эльзасский город Кольмар, дабы скрыться от прусских захватчиков. Изначально родовая фамилия писалась как «Матьё де Хайдольсхайм». Бабушка Ива была близкой подругой скульптора Бартольди¹ и позировала ему на фоне фонтана Кольмара (ее бюст теперь находится в муниципальном музее). Дедушка, Мари-Жюль-Анри, поселился в Оране как практикующий адвокат, предварительно защитив диссертацию на степень доктора латинского языка. Не земля и не ферма, а особняк из двенадцати комнат стал основным имуществом семьи, с мебелью из красного дерева в стиле «Возвращение из Египта»². В гостиной висел большой портрет предка – Жозефа Игнатия Матьё, барона де Мовьера, нотариуса, составившего договор между Наполеоном Бонапартом и Жозефиной де Богарне. Судя по слухам, дом был подарком императора и получил имя «Давид».

В туманный день, 1 августа 1936 года, в клинике Жарсэйон увидел свет Ив Анри Донат Матьё-Сен-Лоран. Это был 214-й по счету день в году, по святцам день святой Надежды. Совпадение не замедлило подтвердиться, как вспоминала Люсьенна, мать Ива: «Семья моего мужа только что потеряла сына, умершего от укуса пчелы, и Ив явился как сам Господь Бог!» Семейная пара ездила в столицу Алжира покупать ему кровать. Мальчик был крещен 5-го числа и вскоре стал старшим ребенком в семье. Его сестры, Мишель и Брижит, родились в 1942 и 1945 годах.

1936 год – это времена счастливого Алжира. Весь Оран читал новости в газетах на террасах кафе. Газета *L'Écho d'Oran* от 1 августа была переполнена энтузиазмом: фюрер торжественно открыл Олимпийские игры в Берлине, доктор Геббельс приветствовал олимпийский огонь. Так ли важно было знать, что реквизированные

¹ Бартольди, Фредерик Огюст (1834–1904) – французский скульптор, автор статуи «Свобода, освещающая мир» в нью-йоркской гавани.

² «Возвращение из Египта» – стиль интерьерного и паркового дизайна, связанный с Египетской кампанией Наполеона во времена его консульства. Был распространен в начале XIX в., после него вошел в моду ампир.

суда привозили в Алжир испанских беженцев из Аликанте и Валенсии. В голове у горожан было совсем другое... Развлечения, например. После обеда публику привлекали концерты оркестра Ламурё, гала-показы Карсенти или казино Канастель, а также местный театр, который оранцы, как истинные фанфароны, считали «самым известным театром наряду с Капитоль де Тулуз». Спектакли – это встречи местных эстетов и элегантных дам. Оран – это еще и африканский город, где тысячи темных кинозалов под названием «Плаза», «Рок-си», «Эдем», «Идеал», «Регина», с красными плюшевыми креслами, где каждый человек за несколько сантимов мог поглядеть в глаза кинозвездам. Кинокритик из газеты *L'Écho d'Oran* отмечал «захватывающие» экранные драмы, «умные» диалоги, «бешеный» ритм фильма, особенно когда в конце фильма персонажи «мирятся».

В этот год на всех афишах были изображены Ивонн Прентан¹ и Пьер Френе² в фильме «Дама с камелиями»; Марлен Дитрих в лебединых сияющих перьях, игравшая обворожительную авантюристку Мадлен де Бопре (фильм «Желание»). Она пьет на экране чай из хрустальной чашки и получает в подарок от поклонников розы бледно-желтого цвета... *L'Écho d'Oran* рекомендовала читателям кисею и тирольские принты, «забавные и новые». Другой кумир эпохи – Даниэль Дарьё³, страдала от любви к Шарлю Буае в фильме «Майерлинг». Женщины Орана танцевали вальс не хуже венских дам и мечтали о невозможной любви при дворе императора, где они говорили бы своему избраннику, красавцу Рудольфу, в парадной военной форме: «Заберите меня с собой!»

Одетая в платье из черного крепа, которое эффектно обнажало плечи, Люсьенна Матьё-Сен-Лоран, мать Ива, напоминала Даниэль Дарьё в фильме «Мадемуазель моя мать». Ее прическа, ресницы – все это арсенал «прелестной простушки», популярнейшей киноз-

¹ П р е н т а н, Ивонн (1894–1977) – французская драматическая актриса и певица межвоенного времени, лирическое сопрано. Ее неповторимый голос ознаменовал свое время и оперетту.

² Ф р е н е, Пьер (1897–1975) – французский актер театра и кино.

³ Д а р ь ё, Даниэль (1917–2017) – французская актриса и певица. Фильм «Майерлинг» имел оглушительный успех. Шарль Буае играл роль австрийского кронпринца Рудольфа.

везды, которой завидовали все женщины вокруг. Изумрудные глаза Люсьенны подчеркивались тонкой линией карандаша, которая заменяла брови.

Ее происхождение романтично: урожденная Вильбо, от матери-испанки из алжирского города Сиди-Бель-Аббес и отца, бельгийского инженера с угольных шахт алжирского города Уэнза. Люсьенна была воспитана Рене, сестрой ее матери, очень богатой вдовой, чей покойный муж был Эмиль Кайла, меломан-архитектор. Дома у этой тетушки стояла мебель от Мажореля и Галле¹, она воспитала у племянницы вкус к «украшениям, платьям, ко всему». Девочка выросла, привыкнув жить двойной жизнью. Грустная пансионерка в лицее для девочек Стефана Гзеля, она появилась на первом публичном балу в 1930 году, провела шикарные летние каникулы в Париже со своими кузенами Анри и Пьером и довольно скоро узнала воздушную элегантную жизнь отеля «Рояль» в термальном городе Эвиан-ле-Бен. В Анси семейство Кайла останавливалось в отеле «Палас», а в Каннах – в отеле «Мартинес». «Надо было хорошо одеваться, чтобы выйти к обычному обеду», – вспоминала мать модельера. Мрачный шофер-испанец в ливрее за рулем «бугатти». «Он был известен тем, что имел связь с клиентками». Люсьенна, какой она была в том 1936 году, еще аккуратно наполняла свои фарфоровые бонбоньерки всякой всячиной, как это бывает у некоторых дам, предрасположенных к роскоши, хотя никто их этому не учил. Она была не из разряда тех экономных женщин, которыми обуревают чувство долга и семьи, которые находят вульгарным черное нижнее белье и говорят об актрисах как о «неприличных женщинах». Легкая и кокетливая, Люсьенна вела себя как важная дама. Вся ее симпатия к супругам колонистов была скрыта в улыбке, она оценивала их, поддавшись чарующим ароматам этих женщин, слишком богатых, слишком красивых, слишком черноволосых. «Вы бы посмотрели на этих женщин из Рио-Саладо, когда они купаются с их огромными бриллиантовыми перстнями». Люсьенна потеряла свое помолвочное кольцо, но все же это произошло не на пляже.

¹ Г а л л е, Эмиль (1846–1904) – французский дизайнер, представитель стиля модерн, реформатор художественного стиля.

Ее жених много работал и путешествовал. Шарль Матьё-Сен-Лоран обладал достатком, соседи считали его важной личностью. Он руководил страховой фирмой и управлял сетью кинотеатров в Марокко, Тунисе и Алжире, что позволило позже его детям бесплатно смотреть все известные фильмы. Высокий и спортивный, этот красавец любил жизнь такую, какая она есть, с честью вынося невзгоды. Как и его отец, он окончил лицей Ламорисьер. В 19 лет он практиковал как юрист в Марселе и приезжал в Оран, чтобы провести лето у своего дяди, врача муниципальной оперы.

Как и многие другие семейные пары, Шарль Матьё-Сен-Лоран и Люсьенна Вильбо встретились на бульваре Сеген. «Он был очень красив и на шесть лет старше меня. Он всегда был одет в котелок и белый плащ. Неподдалеку было танцевальное заведение. Он пригласил меня туда. Мы поженились 4 июля 1935 года», – вспоминала Люсьенна Сен-Лоран.

У семьи Матьё-Сен-Лоран была французская прислуга. Анжела готовила еду. Мария убиралась, консьержка забирала белье (стиральная машина находилась во дворе). Из всей прислуги только садовник был арабского происхождения. Всем в квартале было известно со слов курьера Бартоло, что мадам регулярно заказывает в магазине Корсиа ящики шампанского. Ей нравилось устраивать праздники, там появлялись сливки общества: мэр, префект (Фуке-Дюпарк), заместитель префекта, крупные негоцианты вина (Дюкене), адвокаты (Болюкс-Бассе), фабриканты, оптовики по продаже сыра (Дюкайлар)... Супруги Матьё-Сен-Лоран обожали выходы в свет, особенно мадам. «По вечерам, – рассказывает она, – мы переходили от красоты к красоте». Самые шикарные приемы давались у мадам Бертюэн-Мараваль из старинной состоятельной семьи Орана. Президент «Общества четырех А» (*Association amicale des arts africains*), она руководила двумя благотворительными организациями – «Ульем» и «Каплей молока». Мадам принимала гостей на своей вилле «Евгения» среди китайских вещиц и позолоченных ангелов. Она когда-то пересекла Сахару на самолете, написала несколько книг стихов, таких как «Земля света», «Песни Хоггара». Это была эксцентричная богачка. По воскресеньям она раздавала знаки Красного Креста на площади Оружия, одетая в платье из черной

кисеи и в шляпе «в духе тех, кто ходит в магазин», как выражались оранцы. Порядочные женщины шептались между собой, что она была любовницей епископа. Люсьенне это было все равно, прежде всего она занималась своими туалетами: что будет на ней в Адмиралтействе, в яхт-клубе, в теннисном клубе, когда любовные румбы благоухают «Ночным полетом» от Герлен? Голос Тино Росси¹ раздался из патефона: «Под серебристыми звездами мелодия летит к небесам. Слушайте ночью мандолины и божественные голоса».

Ив вырос среди смеха, солнца и секретов, которые опасно поблескивали в глазах скрытной матери. Он был ребенком-королем. У него было все: плюшевые игрушки, машинки, трехколесные велосипеды, игрушечный театр с Белоснежкой и семьей гномами. В «Маленьком Виши», скалистом саду, старшие катались на осликах, а младшие делали куличики из песка. Его одевали как юнгу для гала-вечеров, в белые штанишки и сандалии. Он очень быстро понял, чего от него ждут, играл роль ребенка с восхитительно-капризным поведением. «Нет, я не люблю тебя в таком виде», – говорил он своей тетушке Рене, и та переодевалась три раза, чтобы ему угодить.

Дом 11 на улице Стора – это дом женщин. Его комнаты, наполненные цветущими циниями, хранили все веселье мира. Соседи еще помнят смех хозяйки, похожий на жемчужное ожерелье, рассыпавшееся по розовой мраморной лестнице. Утром она одевалась «во что-то простое», чтобы пойти купить фруктов на рынке, и возвращалась с букетом цветов в руках.

Анжела готовила обед. После обеда мадам уходила за покупками в город. Немного заносчивая невестка иногда организовывала чаепития, куда она ходила, но без энтузиазма. Люсьенна спускалась по бульвару Сеген в своем чудесном зеленом платье. Она была без ума от этих хлопчатобумажных тканей яркого цвета, которые покупала в специальном магазине «Мишель, Бухара» на улице Арзев. «Восхитительно», – говорили соседи, попивая лимонную воду на террасе Корсиа. Мать-кокетка, бабушка-чудачка, которая писа-

¹ Р о с с и, Тино (1907–1989) – французский певец и актер корсиканского происхождения. Единственный эстрадный певец Франции, продажа дисков которого превысила 500 млн.

ла поэтические письма, пела в церкви и вспоминала, что когда-то она была настоящей красавицей. А круглые биточки Анжелы на полдник!

С июня по сентябрь семья Матьё-Сен-Лоран жила на частной вилле в Трувиле. Как Буиссевиль, Клерфонтен и Сан-Рок, Трувиль был курортом для крупной буржуазии из Орана. Это вопрос касты. Семьи поскромнее снимали домишки в городке Аин-эль-Франин или устраивали пикники на пляжах побережья, выбрасывая мусор на перевале, возвращаясь домой в воскресенье вечером. Арабы не ходили на пляж.

В Трувиле Матьё-Сен-Лоран встречались со старыми друзьями. Взрослые играли в канасту, фланировали по солнечному берегу, обедали на веранде ребрышками ягненка с жареными томатами. Дети купались утром. Море все в барашках. Когда звонил обеденный колокольчик, они возвращались домой босиком, а их глаза пощипывала соленая вода. Земля горела, трескаясь от ветра сирокко. Родители считали, что ветер утомляет. Хорошо воспитанные дети ели камбалу и укладывались на послеобеденную сиесту. В дни безветрия им разрешали купаться после обеда.

У Ива появилась подруга, которую звали Симона Тронк. Ее родители поженились в тот же день, что и Матьё-Сен-Лоран, они тоже жили на плато Сен-Мишель. Симона родилась 30 июня 1936 года. Ив и Симона – близнецы по душевному родству. В Трувиле их дома стояли рядом, и каждый день в четыре часа она вызывала его на улицу, стоя у забора. Лето шло за летом, точно истории о Серафиме, которые рассказывала красавица Ирен Аяс, подруга семьи, прозванная «Голондрина». «Ах, как мне надоели эти дети, которые так шумят, что у меня голова превращается в литавры...» – жаловалась она.

Появились новые интересы. Симона вспоминала об одной «чудесной вещи» – это старый, наполовину разбитый американский армейский плот. «Мы очень много играли на нем. Там были старые, брошенные спасательные круги. Нам очень нравились большие волны. Самое интересное было, чтобы они тебя несли, а ты изображал утопленника. Мы называли это “ехать на такси”. Так мы учились плавать».

В жизни Орана разные миры наплывали один на другой, не смешиваясь. Ив Матьё-Сен-Лоран рос в отдельном, скорее даже в выдуманном мире, равнодушный к любым новостям, местным или международным. 3 июля 1940 года во время конфликта в Мерс-эль-Кебир¹, когда британский флот совершил нападение на французский, семья скрывалась в подвале своего дома. Иву было четыре года. Если не выходить за пределы семейного счастья, то можно ли себе представить, что в это же время этот уютный и процветающий алжирский город сходил с ума от антисемитизма?! 1 мая в кафе «Риш» произошла драка между фашистами и евреями. «Огненные кресты» прошли демонстрацией по улице Арзев со свастикой в петлице: «Долой жидов, не надо ждать, за нос хватать и выгонять...» Можно вспомнить, как позже, уже в 1942 году, декрет Кремьё², дававший право гражданства евреям, был отменен. Вообще-то яхт-клуб, который посещали Матьё-Сен-Лоран, с самого начала был закрыт для людей этой национальности.

Любопытно, что позже Ив Сен-Лоран, идентифицируя себя с прустовским персонажем Сваном, не забывал напоминать окружающим, что Сван был евреем. Как истинный средиземноморец, он был привязан к родному городу, но все же его почти женская чувствительная натура испытывала, благодаря этим политическим событиям детства, особую ненависть к буржуазии, которая окружала себя подделками под стиль Людовика XV, покупала пирожные «монашка» в булочной сети «Золотой колос» и постоянно лечила печень на термальном курорте Виши.

¹ Атака соединения Королевского флота Великобритании на французский при Мерс-эль-Кебуре, во французском Алжире, осуществленная 3 июля 1940 г. Военные действия происходили в акватории неподалеку от Орана. Нападение было частью операции «Катапульта» и было проведено после перемирия Франции и Германии с целью не допустить попадания кораблей французского флота под контроль Германии. – *Прим. пер.*

² К р е м ь ё, Адольф (1796–1880) – франко-еврейский юрист, государственный и общественный деятель. В 1870 г., будучи министром юстиции, он издал «Декрет Кремьё», обеспечивший полное гражданство для евреев во франкоговорящей общине Алжира. – *Прим. пер.*

Именно тяга к отверженным говорит о его оригинальности. Подростком в Ороне он переписывал стихотворение Жака Превера¹, с гневом говорившего о «желтой звезде жестокой человеческой глупости», которая «омрачает самую нежную розу на улице Роз»². «Ее звали Сарой или Рахиль, ее отец был шляпником или скорняком, который очень любил соленую селедку...»

История, случившаяся в Париже, в еврейском квартале Маре, заканчивалась следующими словами: «Никогда больше она не открывает окно, закрытый вагон навсегда спрятал ее...», но солнце «идет своим путем» и старается «забыть об этих вещах».

Как только появились американцы, в Ороне полностью исчезли комары. Здесь мало осталось воспоминаний о войне. Квадратные кирпичики белого хлеба, банки тушенки, жвачка с очень пряным запахом и первые бутылки кока-колы. «Мы увидели красно-белые ящики! Это были переносные морозильники. С этого момента жизнь на пляже изменилась...» Где бы еще Симона попробовала бы свою первую кока-колу, кроме как в гостях у Матьё-Сен-Лоран? «Иву все было позволено», – вспоминала она.

Для оранских французов победнее война – это виноградный сахар, пироги на овсяных хлопьях, турнепс и батат на обед, пальто, которое перешивали в домашний халат. Когда дети войны вспоминали Францию, они думали о вкусном масле и зеленых плодоносящих лугах. Семью Матьё-Сен-Лоран не касались эти невзгоды. На их вилле царил постоянный праздник. Сюда приглашали девушек с широкой улыбкой, на джипах и в нейлоновых чулках, с ящиками виски и блоками сигарет «Лаки Страйк».

Люсьенна стала еще красивее: красные губы и сандалии на платформе. Она одевалась в черное креповое платье с квадратными рукавами, точно парижанка в Голливуде. Однажды вечером она пришила к своему декольте букет из ромашек, васильков и маков, вместо колье надела черный бархатный бант с пластиковым

¹ Превер, Жак (1900–1976) – французский поэт и кинодраматург. Особенно известен его сборник «Слова» (1946).

² Улица Роз (Розовых Кустов) и по сей день знаковая улица еврейского квартала в самом центре Парижа (квартал Маре). – Прим. пер.

крестиком посередине... Ив был маленьким хитрецом. «Это было в деревне недалеко от Орана. Отца не было дома, и мать решила на что-то вроде нелегальной вылазки: она отправилась на бал на американскую военную базу. Мы же, дети, тайно за ней последовали вместе со слугами: нам хотелось посмотреть, как мама танцует. Окна были высоко, одна служанка подняла меня на руках, и я увидел маму посреди бального зала...»¹. Люсьенна в платье из черного крепса – это его первое впечатление о моде, он сохранил его в памяти навсегда как ценный подарок. Тридцать лет спустя он воспроизвел модель этого платья, овеянного воспоминаниями о последних счастливых днях в Ороне.

Счастье прекратилось в шесть лет, когда умер дедушка. Как вспоминала Люсьенна, Ив был его «солнечным лучиком». В один прекрасный день ребенок схватился за юбку матери и завопил: он впервые должен был покинуть ее. Его отправили в церковную школу, начался первый этап совершенно другой жизни. По-настоящему все началось, когда ему было восемь лет, в колледже Святого Сердца, где он остался до своего шестнадцатилетия. Выросший с сестрами, Ив Сен-Лоран до этого жил в королевстве фей. Воспоминания других людей про эти годы похожи на страницы в ежедневнике, где основные графы начерчены невидимыми чернилами.

Ив убежал туда, где взрослые не найдут. Он часто ходил в гости к Фернану Барону, своему соседу с улицы Шанзи, который был старше его на четыре года. Что ему вспоминается? «Мы придумали себе особый мир, где происходили всякие драматические события. Например, мы представляли себе, что мы аристократическая семья в изгнании, которая спасается от революции в карете. Иногда мы играли в прятки, иногда в “звонящую полночь”. Мы часто играли с его тетужкой Рене, очень ловкой и изобретательной женщиной». Была такая игра: погасить свет в комнате и спрятать в ней какие-нибудь громоздкие предметы. «Кто проигрывал, конечно, огорчался. Душевная организация Ива хорошо гармонировала с моей. Он участвовал во всем, что мы придумывали. Я что-то писал, а он рисовал на случайных листках бумаги».

¹ *Le Monde*. Portrait de l'artiste, entretien avec Yvonne Baby, 8 decembre 1983.

На первой
полосе –
Ив Сен-Лоран
в возрасте
21 года,
1953.
TopFoto / ТАСС

←
Ив Сен-Лоран
рисует
модные эскизы
во время
часовой
остановки
в аэропорту
Каструп,
Копенгаген,
Дания,
13 октября
1958 года.
AP / ТАСС

→
Ив Сен-Лоран
за работой,
14 марта
1958 года.
AP / ТАСС

Ив Сен-Лоран за работой,
25 сентября 1961 года.
AP / ТАСС

Ив Сен-Лоран принимает поздравления от своей матери
после показа его весенней коллекции в Доме Dior,
29 января 1959 года. AP / ТАСС

←
Ив Сен-Лоран
в окружении
своих моделей
принимает
поздравления
на открытии
собственного
Дома моды
в Париже,
29 января
1962 года.
Слева – Фиделия,
справа – Виктория.
AP / ТАСС

→
Ив Сен-Лоран,
Бетти Катру
и Лулу де ла Фалез
у бутика *Rive Gauche*
в Лондоне,
1962.
AP / ТАСС

←
Ив Сен-Лоран
и американская
актриса
и певица Барбара
Стрейзанд
на приеме
в честь дизайнера,
Голливуд,
12 ноября
1965 года.
AP / ТАСС

Ив Сен-Лоран и Катрин Денёв
на показе весенней коллекции *haute couture* в Париже,
30 января 1985 года.
Alexis Duclos / AP / TACC

→
Ив Сен-Лоран
на показе осенней коллекции,
25 июля 1984 года.
Alexis Duclos / AP / TACC

Ив Сен-Лоран в Москве,
2 декабря 1986 года.
Александр Сенцов / ТАСС

→
Демонстрация работ
советских модельеров
во Всесоюзном Доме моделей
на Кузнецком мосту,
приуроченная к визиту
Ива Сен-Лорана,
1 декабря 1986 года, Москва.
Александр Сенцов / ТАСС

Ив Сен-Лоран и Летиция Каста
на дефиле, Париж, 2000.
Philippe Blet / Abaca Press / TACC

Ив Сен-Лоран
на показе осенней коллекции,
29 июля 1987 года.
Pierre Gleizes / AP / TACC

Пьер Берже,
2009.
Jacques Brinon / AP / TACC

Ив Сен-Лоран и Пьер Берже
на прощальной пресс-конференции,
7 января 2002 года, Париж.
Steph / Visual / ZUMA / TACC